
М. В. Каиль

Статья поступила
в редакцию
в ноябре 2012 г.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ¹

Аннотация

На примере организации Смоленского государственного университета, созданного в числе шести первых в Советской России, исследуется характер вовлеченности в становление университетского образования органов государственной власти разных уровней, общественной инициативы, интеллигенции, ассоциаций и научных обществ, видных ученых. Создание университета предстает как социокультурный феномен, определяющий развитие сферы образования, науки и культуры макрорегиона (Западного региона России).

Ключевые слова: история образования, высшее образование, Смоленский государственный университет.

В интересах скорейшего открытия
университета Западной Коммуны
решено напрячь все силы...»

В истории российской системы образования было немало периодов болезненного реформирования и трансформаций. Наиболее глубокими, революционными были изменения, сопутствовавшие революциям 1917 г. и становлению советского строя.

В постреволюционное время формировалась принципиально новая советская модель системы образования. Она строилась на отрицании прежнего опыта и институциональных форм образования, прежде всего наиболее элитарного — высшего. В самые сжатые сроки формулировались основания для организации сети советских образовательных учреждений. Как и любая другая сфера жизни, образование отныне должно было соответствовать идеологическим установкам большевиков: менялись формы организации учебного процесса, акценты в преподаваемых дисциплинах, особенно обществоведческих, классовый состав и «политическое лицо» профессуры. Природа этих и иных трансформаций остается недостаточно изученной.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00154а.

Относительно истории советского высшего образования сформировался ряд стереотипных представлений. Одно из самых распространенных состоит в том, что создание системы массового высшего образования является достижением правящей партии. Проверить истинность такого утверждения позволит изучение практики формирования университетских центров в провинциях, где прежде их не было. При этом важно проанализировать характер созидательной инициативы: от кого она исходила, кто обеспечивал существование университета материально, как решался кадровый вопрос, какова была социальная природа нового советского вуза. Интересно также проследить, какое значение имело создание университета для провинциального общества, в какой степени была осознана необходимость высшего профессионального образования.

Отечественными специалистами еще в советский период в общих контурах были воссозданы обстоятельства становления университетов. Безусловно, ракурс рассмотрения данной проблемной области был вполне определенный: изучалась «советская университетская система» [Чанбарисов, 1973; 1988], естественно оппозиционная по отношению к досоветской, всечасно порицаемой за классовую ограниченность, застой и прочие пороки. В том же ключе рассматривалась и научная политика советов [Организация науки в первые годы советской власти...], при этом противоречия ее развития, связанные с конфликтом старого и нового, особенно в обществоведении, оставались за рамками рассмотрения.

Сегодня появились эвристически ценные опыты формулирования подходов к изучению дореволюционного [Иванов, 1991] и постреволюционного высшего образования [Сиверцева, 1994] в России и практические исследования нарративных практик, сопровождавших создание «советского университета» [Сафронов, 2010]. Очевидно, пришло время концептуальных исследований [Красовицкая, 2011. Гл. III; Расписание перемен...].

Современные перспективы исследования становления высшего образования в Советской России могут быть связаны с раскрытием социально-исторического потенциала традиционно рассматриваемой на институциональном уровне «университетской темы», с изучением практик презентации действий всех участвовавших в основании советских университетов сообществ и институтов и, следовательно, с выявлением и применением антропологически емких источников, отражающих мотивы действий и «образ желаемого» в реализации инициатив по созданию высших учебных заведений.

Источниками документальных свидетельств по теме являются материалы фонда Народного комиссариата просвещения (НКП) Государственного архива Российской Федерации, фондов учебных заведений и органов местной исполнительной

власти в региональных архивах². Исключительно ценным источником для исследования этого периода является периодика — как местная, так и центральная. Именно на страницах официальной печати получали отражение все инициативы нового строя, подробно освещались и проекты основания университетов в провинции. Источником служат также публикации, в том числе научные, деятелей образования и науки.

Зачем провинции университет?

Насколько значимой была для постреволюционного провинциального общества тема образования, позволяют понять материалы статистики и общественной дискуссии о высшем образовании, нашедшие отражение в печати. До 1917 г. в империи действовало всего 11 университетов, 65 государственных вузов и около 60 частных курсов — учебных заведений, дающих высшее образование. В Смоленской губернии университета не было — только отделение Московского археологического института и Учительский институт. В отделении Археологического института обучались несколько десятков студентов: в силу своей специфики такое образование не могло быть массовым. Учительский институт был открыт 13 октября 1912 г. в результате инициативных действий городского общества, городской управы, городской думы, видных деятелей просвещения [Историческая записка об открытии и жизни Смоленского Учительского Института... С. 3, 14–15]. В институте обучались выпускники гимназий и реальных училищ, он готовил учителей уездных, городских, высших начальных училищ. Институт действовал на кредиты Министерства народного просвещения и вспомоществования земств и городских дум губернии.

В новых политических условиях, сложившихся с приходом к власти большевиков, у смоленской интеллигенции возникла надежда на перевод в Смоленск Юрьевского (Тартуского) университета. В результате германской интервенции, сопровождавшейся изгнанием русских преподавателей и студентов, профессура там оказалась «на чемоданах». Русофобия в Эстонии диктовала необходимость переезда и для большинства студентов. В пределах новой государственной границы Смоленск оказался на самом западе страны и поэтому мог претендовать на право принять университет. Уезжающая из Тарту корпорация имела возможность перевезти на новое место свои библиотечные фонды и лаборатории, и это было, конечно, очень важно, поскольку создать такие ресурсы с нуля почти невозможно. В результате продолжавшихся несколько месяцев переговоров университет оказался в Воронеже. «Убедившись, что Юрьевский университет... не может быть в Западной области...

² ГАРФ. Ф. А-2306 (Наркомпрос РСФСР). Оп. 18; Государственный архив Смоленской области. Ф. Р-19 (Отдел народного образования Смоленского губисполкома). Оп. 1–3. (1917–1929 гг.); ГАСО. Ф. Р-139 (Смоленский государственный университет) 1918–1930 гг. Оп. 1–4.

часть населения совсем разочаровалась; другая же часть обращает свои взоры на местные учительские институты с надеждой на то, что они нынче будут преобразованы в высшие педагогические институты; третья — применительно к городу Смоленску — верит в возможность создания рабочего техникума»³.

Участник описываемых событий отмечал, что у плана переезда в Смоленск Юрьевского университета были и противники, которые «не хотели иметь старый отживающий дореволюционный университет, который к тому же еще нужно было перевозить со всем мертвым, а главное, живым инвентарем». Автор заметки указывал на чрезвычайно важное обстоятельство: решение отказаться от приема в Смоленске «старого» университета принимал областной исполком⁴. Стремление обновить образование, отказавшись от услуг старой профессуры и прежней организации обучения, — характерная черта развития образовательной системы в годы Гражданской войны [Красовицкая, 2002. С. 138–145].

Какие цели преследовали те, кто выступал в 1918 г. с инициативой создания в Смоленске университета? Н. И. Кибовский, чиновник губернского внешкольного подотдела Западной области, так характеризовал ситуацию: «Стремление населения иметь у себя высшую школу вообще давно проявляется в различных формах. До революции пытались в этом направлении сделать все, что только можно. Нельзя было создать университет — открывали учительские институты и отделения Московского археологического института, но параллельно с этим зондировали почву для открытия университета где-либо в Западной области»⁵.

Таким образом, к лету 1918 г. местные круги интеллигенции осознавали необходимость создания в Смоленске университетского центра. Партийные функционеры подняли эту идею на щит, с тем условием, конечно, что создаваемый университет должен быть принципиально новым, советским, разительно отличающимся своим кадровым обеспечением, социальной функцией и идеологией от классического имперского. Вынашивалось несколько планов организации учебного заведения. Умеренная интеллигенция надеялась на повышение статуса местного Учительского института либо на перевод в Смоленск классического Юрьевского университета. Более радикально настроенные представители новой партийной и советской администрации были готовы к созданию нового, советского вуза. Кому же принадлежала инициатива и как шел процесс организации?

³ Известия исполнительного комитета советов Западной области. 1918. 28 августа. С. 4.

⁴ Там же. 1919. 9 февраля. С. 2.

⁵ Там же. 1918. 28 августа. С. 4.

Как построить университет: политика и практика

Организационная работа по созданию университета была сосредоточена во внешкольном подотделе Западной области. На начальном этапе обсуждений в августе 1918 г. вопрос находился в попечении временно заведующего подотделом Н. И. Кибовского. Летом 1918 г. внешкольный подотдел организовал в Смоленске двухмесячные инструкторские курсы по внешкольному (т.е. профессиональному) образованию, для чтения лекций в город приезжали профессора и лекторы из Петрограда и Москвы. Специалисты областного отдела народного образования консультировались с приезжающими «относительно привлечения наиболее популярных лекторов из центров и работы в открываемом университете»⁶. «Пользуясь кратковременным пребыванием в Смоленске московских лекторов, 11 августа подотдел созвал экстренное заседание с целью выяснения, какого типа высшая школа теперь наиболее необходима в Западной области. Это совместное заседание... единогласно признало принципиально необходимым открыть в нынешнем учебном году по типу Московского Пролетарского университета свой такой же университет и этим самым положить прочное основание Государственного университета Западной области»⁷.

Изначально предполагалось, что все существующие в области учреждения, дающие профессиональное образование, войдут на правах факультетов в организуемый университет. На epochальном заседании внешкольному подотделу отдела народного образования Западной области было дано поручение «принять все меры к осуществлению с текущего учебного года трех ступеней Пролетарского университета»⁸. Первая ступень мыслилась как своего рода курсы для взрослых и подростков, которые получали возможность за два года усвоить объем знаний, соответствующий народному училищу. На второй ступени планировалось преподавать цикл предметов последних четырех классов учебных заведений, дающих среднее образование. Третья ступень являлась собственно университетской и «осуществлялась в виде факультета социальных наук». На этом же заседании было принято решение о размещении университета в одном из самых больших зданий города — в здании Епархиального училища. Отдел народного образования, опираясь на сформулированные коллективные решения, вступил в переговоры с Народным комиссариатом просвещения (НКП).

К 30 августа — в этот день состоялось первое заседание организационной группы и была сформирована Комиссия по созданию университета — возникла амбициозная идея устроить одновременно и Пролетарский, и Государственный университеты,

⁶ Известия исполнительного комитета советов Западной области. 1918. 25 сентября. С. 4.

⁷ Там же. 28 августа. С. 4.

⁸ Там же.

разведя при этом предметы их ведения⁹. В состав комиссии вошли представители отдела народного образования, Пролеткульта, Смоленского союза учителей-интернационалистов, местного лекторского бюро — всего более 20 человек. Затем последовал этап «разброда и шатаний». Члены комиссии не слишком расторопно искали пути организации вуза, а их инертность остро критиковалась на страницах местной печати. Встал даже вопрос об изменении состава комиссии и удалении из нее «буржуазных генералов и офицеров от науки»¹⁰.

Тем временем 1–2 октября 1918 г. в стенах смоленского Учительского института прошел отбор на обучение в учебном заведении, получившем статус высшего: «в первую очередь были зачислены учителя и учительницы из окончивших курс учительских семинарий, институтов и др. педагогических учебных заведений», выпускники восьмиклассных женских гимназий и имеющие двухлетний стаж педработы¹¹.

9 октября состоялось определяющее заседание Комиссии по созданию университета. Оно прошло в новом составе под председательством заведующего областным отделом народного образования Ивана Савватиевича Савватиева. Комиссия выступила с предложением о создании Пролетарского университета, но непосредственно на заседании «одержал верх доклад о Государственном университете». Комиссия одобрила программы социального факультета (они были заготовлены в концепции Пролетарского университета) и предложила создать медицинский. С решающим докладом выступил А. П. Чаплин, в то время начальник городского отдела народного образования. На заседании ряд членов комиссии получили важные поручения: проф. Зезюлинскому¹², как проживавшему в Москве, был поручен подбор «лекторских сил», Ф. В. Воронину — доработка программы, бывший епархиальный редактор Н. Н. Редков должен был организовать библиотеку.

Далее события развивались стремительно. 31 октября 1918 г. состоялось экстренное заседание комиссии в связи с приездом из Москвы А. П. Чаплина. Он сообщил, что от имени комиссии консультировался с советом Социалистической академии и обратился в Совет народного образования (Наркомпрос). 28 октября он присутствовал на коллегии НКП, где ему сообщили о необходимости финансовых обязательств местных органов управления (не менее 30 % сметы): для получения гарантий исполкома

⁹ Известия исполнительного комитета советов Западной области. 1918. 30 августа. С. 2.

¹⁰ Там же. 4 октября. С. 3.

¹¹ Там же. 8 октября. С. 1.

¹² Зезюлинский — творческий псевдоним Николая Каржанского, литератора, известного журналиста, близкого революционным вождям. После 1917 г. известен как сотрудник партийных СМИ, советский агитатор (в том числе и антирелигиозный).

Чаплин и прибыл в Смоленск. В Москве в это время над сметой трудился проф. М. А. Рейснер. Получив гарантии, А. П. Чаплин отбыл в Москву в надежде на положительную резолюцию НКП к 7 ноября. Тогда же было решено на первых порах разместить университет в здании Мариинской гимназии, а также организовать сбор средств на университет через областной совет профессиональных союзов¹³.

31 октября 1918 г. облисполком выдал М. А. Рейснеру удостоверение о назначении его «ректором Смоленского государственного университета памяти Октябрьской революции с возложением на него работ по организации названного университета»¹⁴. Михаил Андреевич несколько последующих дней вел напряженную переписку с НКП по вопросу организации университета, подкрепляя свои обращения данными о результатах проведенной работы: проектом сметы, списком профессоров, согласившихся преподавать в Смоленском университете¹⁵. Интенсивность и содержание переписки свидетельствуют о стремлении смолян и поддержавших их столичных ученых добиться решения наркомата к годовщине революции.

Вечером 7 ноября 1918 г. в зале Смоленского горсовета в торжественной обстановке состоялось открытие Государственного университета Западной Коммуны в память Октябрьской революции¹⁶. О создании университета объявили именно в этот день — в первую годовщину революции, несмотря на отсутствие официального решения властного центра. М. А. Рейснер в своем выступлении говорил об исключительно скором и успешном завершении организации университета. Торжественный акт стал средством коммеморации революции: ее прославляли в своих выступлениях все участники действия. Была объявлена структура университета, который состоял из социального и юридического институтов, сообщалось о начале занятий со следующей недели и о том, что университет будет работать в здании бывшего Епархиального училища.

Итак, создание университета включало следующие этапы: общественная дискуссия в регионе, вылившаяся в формирование Комиссии по организации университета под председательством сотрудников областного отдела народного образования; решение облисполкома через уполномоченного А. П. Чаплина обратиться к президиуму Социалистической академии общественных наук в Москве; наделение Социалистической академией члена президиума М. А. Рейснера полномочиями по организации «факультета

¹³ Известия исполнительного комитета советов Западной области. 1918. 2 ноября. С. 2.

¹⁴ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп.18. Д. 62. Л.12.

¹⁵ Там же. Л.1–1 об.

¹⁶ Известия исполнительного комитета советов Западной области. 1918. 6 ноября. С. 2.

социальных наук» и созданию «организационной структуры образуемого вуза»¹⁷.

М. А. Рейснер организовал группу в составе 14 профессоров и лекторов, готовых преподавать в Смоленске, подготовил вместе с коллегами по комиссии первую смету университета и обратился в Наркомпрос. На протяжении ноября-декабря 1918 г. продолжался тягостный спор со сметной комиссией наркомата об объеме финансирования университета. Комиссия по организации университета написала несколько вариантов смет, их дополнительных детализаций и обоснований. Она забрасывала наркомат гневными телеграммами об отсутствии надлежащего (в объемах, определенных облисполкомом) финансирования ремонтных и прочих работ¹⁸, которые поддерживал председатель Областного исполнительного комитета Западной области и фронта С. В. Иванов. Под этим неослабевающим напором отцов-основателей университета и было принято утверждающее сложившееся положение вещей и узаконивающее фактически функционирующий университет постановление Наркомпроса о его создании.

Описанные события очевидно свидетельствуют о том, что ключевую роль в создании Смоленского университета сыграли региональная инициатива и бескомпромиссные созидательные действия членов Комиссии по организации университета.

Университет в Смоленске обязан своим открытием усилиям нескольких энтузиастов. Кем они были, какие идеалы воплощали в жизнь? Конечно, все они относились к числу «новых людей» — строителей советского строя. В историю Смоленского университета лишь недавно было вписано имя человека, который летом 1918 г., будучи скромным чиновником (заведующим внешкольного подотдела) губернского отдела народного образования, развил кипучую деятельность по обсуждению проекта университета и его созданию, — Н. И. Кибовского. Именно он созывал «отдел по организации университета Западной области», постоянно освещал ход работы отдела на страницах местной печати. Участвуя в оргработе, он обосновал необходимость открытия в Смоленске именно «нового советского университета» и вел основную работу до формирования правления университета.

В октябре 1918 г. деятельность по согласованию открытия университета с Наркомпросом осуществлял А. П. Чаплин (1895–1981), представитель видной смоленской семьи общественных деятелей, брат лидера РКСМ Н. П. Чаплина (1902–1938)¹⁹. Александр Павлович — единственный участник событий, оставивший

Лица строителей

¹⁷ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 62. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 9-10.

¹⁹ Семья происходила из Рогнединской волости Рославльского уезда Смоленской губернии, где служил священником П. П. Чаплин (1869–?). Его дети Николай, Александр, Мария были деятелями РКСМ, в 1920–1930-е годы занимали ответственные должности.

воспоминания о своей работе, в которых нашел отражение и сюжет основания университета [За власть советов!.. С. 120–131]. Как часто бывало в начале XX в., А. П. Чаплин, будучи выходцем из семьи священника²⁰, в революционное время отказался от семейной традиции. В 1914 г. он окончил Смоленскую губернскую мужскую гимназию и поступил в Московский университет на медфак. В 1916 г. за политическую пропаганду среди студентов был административно выслан в Рязань, позднее восстановился в числе студентов, служил счетоводом на Московско-Казанской железной дороге. В феврале 1918 г. был приглашен на должность смоленского губернского комиссара народного просвещения, 13 мая 1918 г. назначен заместителем заведующего школьным городским отделом народного образования, затем стал членом Смоленского горисполкома, губернским съездом Советов избран членом Смоленского губисполкома, работал заведующим Смоленским уездно-городским отделом народного образования. В июле 1919 г. А. П. Чаплин был назначен заведующим Смоленским губернским отделом народного образования²¹. Александр Павлович долгие годы работал в учреждениях культуры, но участие в открытии университета осталось одной из самых ярких страниц его биографии.

Революционная атмосфера пробуждала творческие способности не только у молодых энтузиастов. Президиум Социалистической академии делегировал для поддержки Смоленского университета одного из самых ярких своих профессоров — М. А. Рейснера. Михаил Андреевич Рейснер (1868–1928) — видный российский ученый: юрист, историк и один из основоположников национальной социальной психологии. В 1893 г. он окончил юридический факультет Варшавского университета, в 1896 г. был командирован в Гейдельберг, где проработал два года. В 1898–1903 гг. М. А. Рейснер — профессор юридического факультета Томского университета, где он зарекомендовал себя как один из идеологов свободы совести и концепции «нового права». Из-за своих марксистских взглядов М. А. Рейснер был вынужден эмигрировать, жил в Германии и Франции, а в 1907 г. вернулся в Россию и стал преподавателем в Санкт-Петербургском университете²². Известен он был и как литератор, создатель литературно-философского кружка. Во время Первой мировой войны выпускал совместно с дочерью Ларисой журнал «Рудин» [Пржиборовская, 2008], много печатался в нем сам. После революции 1917 г. был профессором Петроградского университета, участвовал в разработке первой советской конституции. М. А. Рейснер был одним из основателей Социалистической (Коммунистической) академии как центра марксистской социальной науки, а также одним из создателей Русского психоаналитического общества, работал в Наркомпросе и имел

²⁰ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 293, 295.

²¹ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 951. Л. 1–4; Там же. Д. 953. Л. 1–7.

²² Сочинения: [Рейснер, 1905; 1911].

дружеские связи с наркомом. Его послереволюционные труды посвящены обоснованию и отстаиванию марксистской теории государства [Рейснер, 1917; 1918; 1923]²³. Именно поэтому в деле открытия университета он был лучшим и незаменимым помощником.

Указав на необходимость приведения идей смоленских отцов-основателей университета в соответствие с Положением о российских университетах²⁴, М. А. Рейснер хлопотал о согласии Наркомпроса на открытие университета и, добившись положительного решения, сам вел в Смоленске 7 ноября 1918 г. торжественное заседание, на котором было провозглашено его создание. Затем на протяжении нескольких лет Рейснер в числе других профессоров приезжал в Смоленск для чтения лекций²⁵.

Людей разного происхождения, разного общественного положения и даже разных сфер деятельности в революционную эпоху объединило одно страстное желание — влиять на становление нового строя жизни, формирование новых центров ее, каковым и призван был стать создаваемый в Смоленске университет.

Вскоре революционная романтика отошла на второй план, организаторам университета стал постоянно оппонировать по социальному принципу совет старост из пролетариев «от станка»²⁶, но дело строительства университета осталось яркой страницей в биографиях всех его создателей.

На момент открытия в университете был всего один факультет — социальных (общественных) наук (ФОН). Приветствуя университет, редакция «Экономической жизни» отмечала: «В наш переходный момент от старых норм народной экономики к новым именно социальным наукам и их правильному применению в деле коренного переустройства хозяйственного бытия Революционной России принадлежит великая роль»²⁷. «Односложная» структура университета, надо полагать, была обусловлена как отсутствием физической возможности для немедленного открытия медфака (необходимость которого обсуждалась), так и сознательной реализацией романтизированного плана создания Пролетарского университета. Формирование структуры ФОНа в Смоленске предвосхитило официальное закрепление этой формы подготовки обществоведов. Наркомпрос РСФСР только 23 декабря 1918 г. принял постановление об упразднении юридических факультетов университетов и 3 марта 1919 г. — об организации в университетах факультетов общественных наук взамен юридических. 12 мая 1919 г. ФОН был создан в Московском университете. ФОН Смоленского университета был невелик и не славился громкими

Структура
университе-
та в первые
годы работы

²³ НИОР РГБ. Ф. 245. К. 12. Д. 12–13.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 121. Д. 28. Л. 1–5.

²⁵ НИОР РГБ. Ф. 245. К. 12. Д. 17.

²⁶ Известия Смоленского губернского исполнительного комитета. 1919. 11 марта. С. 1–2.

²⁷ Экономическая жизнь. 1918. № 6. С. 20.

именами (на ФОНе МГУ в те годы преподавали С.Л. Франк, А.В. Луначарский и др.). Значительную часть лекционных курсов читали приезжающие внештатные профессора, в основном из Социалистической академии²⁸, что давало повод для классовой критики такой схемы преподавания и обвинений в «гастролерстве»²⁹.

Сразу после открытия университета начали раздаваться настоятельные требования организовать в его составе отдельный факультет, при поступлении на который рабочий класс имел бы особые преференции. Рабфак был открыт осенью 1919 г. Смоленский рабфак был третьим в стране (два первых — в Москве), при том что к лету 1922 г. их общее число достигло 70 [Сережников, 1922. С. 3].

Курс обучения на смоленском рабфаке в наборе 1919 г. был рассчитан на два года, затем увеличен до двух с половиной лет, а после реорганизации факультетов в 1921 г. составил три года³⁰. В штате был 51 преподаватель, из них пять профессоров. В первые два года слушатели зачислялись по командировкам от профессиональных и партийных организаций. К 1921 г. на факультете обучались 437 студентов (196 мужчин и 241 женщина), среди них преобладали рабочие (136 человек) и земледельцы (163 человека). Партийными были 89 студентов. До 1921/1922 учебного года факультет принимал слушателей из всех губерний Западного региона России и Белоруссии; позднее на него зачисляли лишь уроженцев Смоленской, Витебской и Брянской областей³¹.

В 1921 г. рабфак принял 365 новых студентов (238 мужчин, 127 женщин), большинство из которых (почти 59%) направили губернские профсоюзы. На факультете было три отделения: биологическое, техническое и общественное; набор изучаемых предметов был шире школьного: от математики, естествознания, русского языка и литературы до механики трудовых процессов, гигиены, политэкономии, курса Конституции РСФСР [Там же. С. 4].

Выпускники рабфака не становились специалистами. По окончании обучения (9 триместров) они могли без очереди и экзаменов поступить в любой вуз страны. При этом до лета 1922 г., когда была внедрена экзаменовка выпускников за весь пройденный курс, итоговые зачеты были единственной формой контроля знаний.

Учебные планы и программы обществоведческого и гуманитарного образования, созданные непосредственно после революции, страдали неполнотой и крайней идеологической ангажированностью: большинство классических предметов в них было вытеснено остро актуальными при данной политической конъюнктуре краткими курсами. Из учебных планов столичных университетов вскоре исчезли или были существенно сокращены как чуждые идеологии

²⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 86. Л. 272.

²⁹ Известия Смоленского губернского исполнительного комитета. 1919. 11 марта. С. 1.

³⁰ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 62. Л. 2.

³¹ Бюллетень Смоленского государственного университета имени Октябрьской революции. 1922. № 1. С. 1.

рабочего государства древние и современные иностранные языки, систематические курсы истории [Красовицкая, 2002]. В провинции кадровый голод, как правило, не способствовал привитию университетской традиции. Обучение на рабфаке походило, скорее, на курс общей политической подготовки, щедро сдобренный массой социально значимых кампаний и акций. В отчетах о деятельности рабфака писали прежде всего о проведенных экскурсиях и «культработе», а не об учебных достижениях [Сережников, 1922. С. 4–7]. Рабфаки не были в должной мере обеспечены учебной литературой, в первые годы их работы не были утверждены даже формы итоговой аттестации.

Существенно более качественным, в том числе в Смоленске, было обучение медицинских специалистов: самобитные профессора и лекторы с дореволюционной выучкой способны были организовать учебный процесс на должном уровне. Быстрый рост материальной базы, организация медицинских кабинетов, лабораторий позволили к середине 1920-х годов сформировать в Смоленске вполне самостоятельный медицинский образовательный центр, являвшийся локомотивом развития всего университета.

Сравнительно неплохо была поставлена учебная работа и на педагогическом факультете Смоленского университета. В число общеобразовательных предметов входили астрономия и землеведение, физика и биология, логика и новые языки (в немалом объеме часов). Обязательными были исторический материализм, «государственное право в связи с Конституцией РСФСР», «пролетарская революция», «организация производства и распределения в РСФСР»: эти предметы составляли до 30 % объема учебных поручений³².

Университетскую атмосферу эпохи формировала классово заостренная образовательная политика государства. Значительные полномочия по контролю за деятельностью вузов были переданы совету старост, который влиял на распределение социального обеспечения, заступался перед администрацией за «рабочий элемент» в студенчестве, упрекал профессуру в аполитичности и стремился изменить «классовое соотношение студенчества, чтобы пролетариат численно преобладал над буржуазией»³³. Рабочая и крестьянская молодежь, конечно, по уровню подготовки и освоения программы не могла конкурировать с представителями городской интеллигенции, стремившимися получить университетское образование. Не преобладавший в университете численно (даже на рабфаках 1921 г. рабочие составляли лишь 46 %, крестьяне — до 25 %), пролетариат, настроенный государственным официозом, болезненно реагировал на «засилье» интеллигенции и в конце 1920-х — в 1930-е годы принялся активно ее искоренять. Внеконкурсное зачисление рабочих и крестьян по представлениям партийных, советских и профсоюзных организаций,

³² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 86. Л. 280–282 об.

³³ Известия Смоленского губернского исполнительного комитета. 1919. 11 марта. С. 3.

а также отстаивание этими организациями своих протезов, не усваивающих программу обучения, приводили к острым конфликтам администрации университета с делегировавшими студентов органами³⁴. Истинно университетские ценности побеждали редко, а сложившаяся практика работы наряду с несовершенством учебных планов резко снижала качество университетского образования по-советски.

Медицинский факультет был открыт в Смоленском университете в 1920 г. Уже за первые два года работы он сумел стать крупным и хорошо оснащенным центром подготовки медицинских кадров, имея поддержку губздрова, губисполкома и губпрофсовета и принимая студентов Брянской, Витебской, Гомельской, Могилевской, Орловской губерний. Для получения разрешения на открытие факультета потребовалось добиваться резолюции Высшего медицинского совета, а затем действовать через посредничество замнаркома просвещения М. Н. Покровского и Государственного учебного совета. Первым деканом медицинского факультета стал проф. Б. Л. Пацевич. К 1922 г. на факультете работали кафедры: нормальной анатомии, гистологии, неорганической химии, физики, зоологии, ботаники, минералогии, органической и биологической химии, фармации, физиологии и неврологии; для организации третьего курса готовили открытие кафедр бактериологии, общей патологии, фармакологии с токсикологией, общей хирургии, нервных болезней и психиатрии, социальной гигиены, урологии. На двух курсах обучались 439 человек, из которых 133 назвались «крестьянами», 116 — «мещанами», 172 — «гражданами» и 16 были «из духовного звания»³⁵.

В январе 1922 г. в Смоленском университете открылся педагогический факультет, образованный из Смоленского пединститута, возникшего в 1918 г. после повышения статуса Учительского института, который был учрежден в 1912 г. по настоянию и с попечением Смолгордумы. На момент слияния с университетом пединститут имел три факультета: физико-математический, естественно-географический и словесно-исторический, они вошли в состав вновь образованного факультета на правах отделений без изменения структуры. В 1922 г. Главпрофобр принял новые учебные планы для педвузов, предполагавшие поточное обучение первокурсников, которые разделялись по отделениям только со второго курса. Педагогический факультет получил от пединститута 16 оборудованных кабинетов и Показательную школу второй ступени, являющуюся базой для практики. Штат факультета от декана до низших служащих состоял из 73 человек, обучались на нем 434 слушателя,

³⁴ В фонде ГАСО. Ф. Р-139 (Смоленский государственный университет) 1918–1930 гг. содержится масса свидетельств о таких конфликтах.

³⁵ Бюллетень Смоленского государственного университета имени Октябрьской революции. 1922. № 1. С. 4.

71% из них были выходцами из крестьян. Возглавил факультет проф. Б. В. Базилевский³⁶.

За первые три года работы университета оформилась его структура, практика объединения и укрупнения позволила к 1922 г. создать солидную материальную базу. Университет помимо профильных кафедр располагал своей метеостанцией, астрономической обсерваторией, Гигиеническим институтом с тремя отделениями, библиотекой, насчитывавшей более 150 тыс. томов научной и учебной литературы и имевшей солидный фонд микрофотографий³⁷. На базе университета действовал ряд научных обществ, проходили крупные отраслевые конференции. Молодой вуз Западного региона стал действительно крупным научно-образовательным центром с инфраструктурой, сопоставимой с современными научно-исследовательскими университетами.

В первые годы своего существования Смоленский университет испытывал постоянные трудности финансирования. Еще в период его организации состоялась острая дискуссия об объемах университетской сметы: НКП не раз указывал на «недостаточную обоснованность сметных исчислений»³⁸. М. А. Рейснер в ноябре-декабре 1918 г. неоднократно перерабатывал смету. Наркомат предъявлял значительные требования к финансированию университета из губернских средств: первоначально полученные гарантии на ассигнование 200 тыс. руб. по настоянию центра были увеличены до 500 тыс.

«Страсти по бюджету» разгорались каждые полгода при утверждении очередного плана финансирования. Так, в сентябре 1919 г. при утверждении сметы на второе полугодие работы вуза из сметной суммы на содержание в объеме 14 015 982 руб. НКП утвердил расходы в составе 6 328 022 руб., а предполагаемые затраты на оборудование в сумме 12 591 500 руб. были сокращены до 4 763 500 руб., но и эти расходы показались казначеям завышенными и были профинансированы авансом в 2 млн руб.³⁹ Финансовое обеспечение должностных лиц, в том числе руководства вуза, оставалось в первые годы весьма скромным: ректор получал 2700 руб., его помощник — 2430 руб., деканы — по 2160 руб., бухгалтерские работники и секретари — в пределах 1700–1900 руб., ставка уборщиков составляла 828 руб. Зарплата профессора не превышала 2100 руб., преподавателя — 1750 руб.⁴⁰ Административные и преподавательские должности совмещались.

Экономя на расходах на административные структуры и преподавательский состав (не более 2 млн руб. в полугодие),

Чьим
печени-
ем обеспе-
чен будет?

³⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 86. Л. 274.

³⁷ Бюллетень Смоленского государственного университета имени Октябрьской революции. 1922. № 1. С. 7.

³⁸ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 62. Л. 5.

³⁹ Там же. Д. 90.

⁴⁰ Там же. Д. 24. Л. 6; Д. 62. Л. 101 об.

университет тратил значительно бóльшие средства на содержание студентов. Летом 1919 г. в университете действовала комиссия по социальному обеспечению студенчества, в распоряжение которой был передан финансовый фонд в 200 тыс. руб. для материальной поддержки нуждавшихся студентов. Обучающиеся рабочие находились на полном соцобеспечении: пользовались бесплатными учебниками, столом и общежитием, получали по несколько сот рублей «на мелкие расходы»⁴¹. Только среди студентов-медиков ежемесячно распределялось 120 пайков (их получал каждый третий)⁴². При этом большинство студентов работали — в основном занимались поденным физическим трудом, нагружая и разгружая вагоны на железной дороге.

Проблемы финансирования в первые годы истории Смоленского университета были наиболее мощным вызовом, ответ на который определил пути дальнейшего развития вуза. Центр и губерния непрерывно препирались, определяя доли в солидарно-субсидиарной модели финансирования и приоритетные направления подготовки, в которые они готовы были вкладывать средства.

Были трудности и нефинансовой природы. Так, начиная с 1919 г. активно обсуждался вопрос о слиянии Смоленского университета с Минским, точнее о присоединении Смоленского университета к Минскому. Смоленск посещала делегация во главе с заведующим Главпрофобра проф. Волгиным. В ноябре 1921 г. начала набирать обороты кампания по реорганизации всей системы профобразования региона: находящийся преимущественно на местном бюджете Политехнический институт подлежал частичному закрытию, сохраняемые факультеты передавались университету. Встал вопрос о приоритетах: сохранить ли базовый медицинский факультет в университете или, пожертвовав им, развивать технический.

В апреле 1922 г. правление университета во главе с проф. Н. М. Никольским вступило в острый конфликт с губисполкомом. При этом местная государственная власть создала особую комиссию по делам университета, которую возглавил сам руководитель губисполкома. Вероятно, Н. М. Никольский оказался неопытен в административном управлении и в сложной ситуации реформирования университета допустил ряд ошибок, столкнув интересы Главпрофобра, НКП и губернской администрации. После принятия Главпрофобром решения о снятии Смоленского университета с госфинансирования и рекомендации оставить университет в составе двух факультетов — медицинского и педагогического — на финансировании из местных средств губисполком заявил, что «принимает на местные средства полностью содержание университета в размере сумм, действительно для этого необходимых»⁴³.

⁴¹ Известия Смоленского губернского исполнительного комитета. 1919. 25 июня. С. 2.

⁴² Бюллетень Смоленского государственного университета имени Октябрьской революции. 1922. № 1. С. 7.

⁴³ ГАСО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 319. Л. 25.

Задачу сохранения вуза в таких сложных условиях взяли на себя медики и влиятельный профессор-обществовед В. К. Сережников, который был выдвинут на пост ректора губернской администрации и в 1922 г. возглавил вуз⁴⁴.

В результате инициативных действий губернских властей в октябре 1922 г. состоялось решение Народного комиссариата просвещения, отменяющее постановление коллегии НКП о ликвидации Смоленского университета⁴⁵. В мае 1923 г. Главпрофобр после очередной ревизии дел университета, признав «оборудование и постановку учебного дела удовлетворительными», рекомендовал дальнейшее существование университета в составе медицинского и педагогического факультетов и призвал губисполкомы Брянской, Витебской и Гомельской областей, для которых университет являлся базовым, подключиться к его финансированию⁴⁶.

Успешно пройдя трудный период становления, пришедшийся на годы Гражданской войны, Смоленский университет в 1922–1923 гг. оказался заложником проблем бюджетного обеспечения. Аккумулировав солидную материальную базу (64 аудитории, 3 медицинских клиники, 2 института, научную библиотеку на 150 тыс. томов), университет, «достигший в самую трудную эпоху жизни Советской России изумительных результатов», надеялся на помощь администрации Западного края⁴⁷. К чести руководителей региона необходимо отметить: университет всегда получал необходимую поддержку. Он выстоял в 1920-е годы, его финансирование постепенно было налажено. В 1930 г. НКП РСФСР предпринял новую реформу: университет был разделен на два вуза, педагогический и медицинский⁴⁸, и вернул себе статус классического лишь в 2005 г.

Опыт Смоленского университета как одного из первых вузов, созданных в стране после революции, во многом примечателен. История его организации свидетельствует об определяющей роли частной и общественно-научной инициативы в деле становления высшего образования в Советской России. Преодоление объективных и субъективных трудностей в развитии Смоленского университета зачастую напрямую зависело от воли и энергии ведущих ученых, научных и педагогических коллективов отдельных факультетов и всего университета. В постреволюционный период на уровне республики были сформированы лишь общие законодательные основы развития высшего образования. Практика создания университета в провинции, развитие отдельных образовательных направлений опирались на потребности конкретного региона, его материальные возможности, ресурсы кадрового обеспечения. Быстрый рост

⁴⁴ Там же. Л. 1–38; Бюллетень Смоленского государственного университета имени Октябрьской революции. 1922. № 1. С. 2.

⁴⁵ ГАСО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 319. Л. 77; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 86. Л. 255–261.

⁴⁶ Там же. Д. 280. Л. 275.

⁴⁷ Рабочий путь. 1923. 6 февраля. С. 1.

⁴⁸ Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1930. № 14. С. 408.

университетской инфраструктуры в тяжелых условиях Гражданской войны был обусловлен приоритетностью задачи построения системы высшего образования в работе губернской администрации.

К сожалению, исторический опыт показывает, что государственные программы реформирования университетской системы нередко создавались в отрыве от чаяний и возможностей профессиональных сообществ и общественности провинции. Но тем ценнее позитивный пример строительства университетов в российских регионах и их опыт необходимо учитывать при разработке современных программ реформирования системы высшего образования.

Литература

1. За власть советов! Сборник воспоминаний. М., 1977.
2. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX в. М., 1991.
3. Историческая записка об открытии и жизни Смоленского Учительского Института за 1912/1913 учебный год (первый год существования). Смоленск, 1916.
4. Красовицкая Т. Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX в. — начало (20-е годы) XX в.) М., 2011.
5. Красовицкая Т. Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920 год. М., 2002.
6. Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925): сб. документов. Л., 1968.
7. Пржиборовская Г. А. Лариса Рейснер. М., 2008.
8. Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012.
9. Рейснер М. А. Государство буржуазии и РСФСР: в 3 ч. М. — Пг., 1923.
10. Рейснер М. А. Государство и верующая личность: сб. ст. СПб., 1905.
11. Рейснер М. А. Государство: Пособие к лекциям по общему учению о государстве. Ч. 1. Культурно-исторические основы. М., 1911.
12. Рейснер М. А. Государство. Ч. 1. Идеология и метод. М., 1918.
13. Рейснер М. А. Пролетариат и мещанство. Пг., 1917.
14. Сафронов П. А. «Чутко отразились все требования революции»: советский университет в 1920–1930-е годы // Вопросы образования. 2010. № 4. С. 182–196.
15. Серезников В. К. Рабочие факультеты РСФСР // Смоленский государственный университет. Рабочий факультет. 1919–1922 гг. Юбилейный сборник. Смоленск, 1922.
16. Сиверцева Н. Л. Высшая школа России: особенности послереволюционной реформы // Социс. 1994. № 3. С. 70–75.
17. Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа, 1973.
18. Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988.